

Оперу композитора дописали к его 250-летию

Моцарт у стены безопасности

Илья Овчинников / ЗАЛЬЦБУРГ

Спектакль «Заида — Адама» — один из наиболее интригующих проектов нынешнего фестиваля, единственная моцартовская постановка, музыка которой не могла быть известна публике заранее. По крайней мере отчасти: неоконченную «Заиду» Моцарту помогла дописать наш современник — израильский композитор Хайя Черновин.

Музыкантами XX века был предпринят ряд попыток завершить те или иные неоконченные произведения. Так, возникло несколько версий Десятой симфонии Малера — из пяти частей композитор закончил лишь две. Малеровский квартет, от которого до нас дошли первая часть и начало второй, завершил Альфред Шнитке, построив вторую часть на нескольких сохранившихся тактах. Свою версию Десятой симфонии Шнитке, не законченной тяжелобольным автором, представил Геннадий Рождественский — и после премьеры получил просьбу композитора отменить исполнения. Эдисон Денисов оркестровал оперу Дебюсси «Родриго и Химена», реконструировав несколько пропущенных эпизодов. Денисов же добавил почти час прекрасной музыки к неоконченной кантате Шуберта «Лазарь», остроумно заметив: «Мне пеняли на то, что мой Скрипичный концерт завершается цитатой из Шуберта, зато теперь музыку Шуберта я завершил собственной».

Следует вспомнить еще одну подобную работу — «Rendering» («Истолкование») Лучано Берियो, ее основой стали наброски Десятой симфонии Шуберта, начатой композитором за месяц до смерти. В отличие от Денисова, стремившегося в обоих случаях создать органичное целое, Берियो вступил как бы в диалог с Шубертом. «Лакуны» гипотетической партитуры итальянский мастер заполнил своей музыкой — непохожей на шубертову, но зву-

Израильский композитор Хайя Черновин дописала и осовременила «Заиду» Моцарта

чащей подчеркнуто приглушенно и деликатно. Постановщики спектакля «Заида — Адама» Клаус Гут и Христиан Шмидт стремились поступить схожим образом: не столько замкнуть, сколько расширить пространство Моцарта, прославив «прямыми включениями» из нашего времени. Идея любопытная, однако на вопрос — сложился ли у авторов диалог с создателем «Заиды» и хватило ли им корректности — ответить непросто.

Как говорит Хайя Черновин, «постмодернистская игра с Моцартом» для нее неприемлема. Работать над проектом она согласилась лишь по принципу контраста, с целью достичь взаимопроникновения двух разных музыкальных пластов. Стимулом стало отсутствие в опере Моцарта диалогов — «Заида» практически состоит из отдельных арий. Сюжет ее несложен: христианин Гомац (Топи Лехтипуу) и мусульманка Заида (Можка Эрдманн, украшение спектакля) томятся в плену у султана Золимана. Полюбив друг друга, они пытаются бежать, но терпят неудачу и ждут наказания. По замыслу композитора роль диалогов выполняют вставные эпизоды, где сюжет относится уже ко дню сегодняшнему: любящие друг друга палестинец (Ярон Виндмюллер) и израильянка (Ноа Френкель) расста-

ются, понимая обреченность своего союза. Однако соплеменники героев хотят наказать их за одну только мысль о любви к чужаку; здесь исчезает различие между двумя парами «провинившихся», две параллельно развивавшихся линии сливаются воедино.

С музыкальной точки зрения контраст удался — Моцарту противостоят вокально-шумовые экзерсисы (их исполняет квинтет «Базельских мадригалистов» и Австрийский ансамбль новой музыки), запись которых могла бы продаваться в разделе как современной классики, так и альтернативного рока под маркой «индастриал». Сменяя «Заиду» не только на звуковом уровне, «Адама» сопровождается показом кинохроники. Сперва видеосюжет о сегодняшнем Израиле оживляет действие, особенно когда демонстрируется задом наперед. Затем повторение одних и тех же кадров с израильскими солдатами у стены безопасности начинает утомлять, да и сама попытка отражения давней истории в современной политической ситуации — или наоборот — представляется до некоторой степени спекулятивной.

Происходящему на сцене не откажешь в зрелищности: так, силы зла олицетворяют огромные лысые головы с пустыми глазами, точно сошедшие с полотен Филонова. Головы покоятся на плечах мужчин в черном, не сидящих без дела: то лезут по трубе центрального отопления вверх и вниз, то снимают голову с плеч и, отчитав, водрузят обратно, то начнут мучить героев, связав им руки. Все это столь многозначительно и удручающе серьезно, что отдушиной является лишь музыка Моцарта, которую играет оркестр Моцартеума под управлением Айвора Болтона. Впрочем, есть способ вернуть спектакль «Заида — Адама» в русло постмодернистской игры, каковой он и является по сути: для этого на поклон вместе с Хайей Черновин должен был бы выйти артист в костюме Моцарта — в дни фестиваля их бродит по Зальцбургу не один десяток.